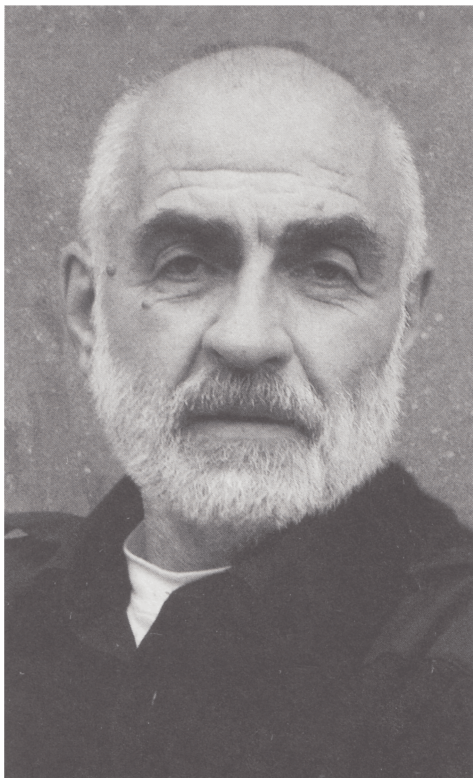

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Сергей Каледин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

Соседка

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

СЕРГЕЙ КАЛЕДИН

СОСЕДКА

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Сергей Евгеньевич Каледин, русский писатель. Родился 28 августа 1949 года в Москве. После окончания (экстерном) средней школы один год проучился в Московском институте связи (1968); окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1972—1979). Служил в стройбате (1968—1970), был кладбищенским рабочим (1976), сторожем и кочегаром деревенской церкви (1986—1987).

Широкую известность принесла Каледину его первая повесть «Смирненное кладбище» (1987; одноименный фильм, 1989, реж. А.Итыгилов), открывшая т. н. «новую волну» жесткой прозы «перестроечного» времени. Выявлению других мрачных закоулков советской жизни — «неуставных» отношений в нравственно деградирующей современной армии, — посвящена не менее громкая повесть Каледина «Стройбат» (1991). Сдержанное и в то же время предельно реалистическое повествование, острота сюжетных коллизий, сочность типажей и драматургическая напряженность диалогов отличают и другие повести Каледина: «Шабашка Глеба Богдышева» (1991), «Поп и работник» (1992), «Тахана мерказит» (1996) и др.

ТОМОЧКА

На своем 45-летию я расчувствовался: «Земную жизнь пройдя до половины...» Мой зять протрезвел от подобной наглости: 45 — в пору ласты склеить, а он — лишь до середины доканал! Я затащил его к нашим на Ваганьково, зять опешил: вся отцова родня зашкаливала за 90. И по линии матери прожиточный минимум — 85 лет, без рака, без сосудов. Однако в почке моей мамы завелась гнида. Почку пришлось отрезать, и мама продолжила житье.

Родилась она в 24-м году в беспартийной мещанской семье (моя бабушка Липа до конца говорила «табачка», «жезлонг», «жизофрения»). Томочка росла круглой отличницей: по учебе, спорту, красоте и чтению художественной литературы, хотя книги в доме не водились. И пришла ей пора вступать в комсомол. И тут она заартачилась. Не корреспондировала лихая година с Пушкиным, Чеховым, Толстым... Ее постращали в школе, пожарили дома и отступились. Летом 41-го она собралась на фронт, ее нарядили в Басманную больницу, в госпиталь... На фронт расхотелось. В эвакуации Томочка окончила школу. С драгметаллом в стране была напряженка, ей вписали в аттестат «с золотой медалью». И без комсомола поступила в МГУ на восточный факультет: к литературе поближе, от идеологии подальше. В доме опять переполохались: зачем Восток, не нужен нам берег турецкий! Но Томочка привычно — с отличием — окончила университет, по инерции защитила кандидатскую.

В Ленинке ее высмотрел мой папа. Оба влюбились. Томочка безоговорочно, а папа Женя с раздумьем, ибо был в послевоенном дефиците и малек покуражился, не желая так сразу обручаться. А на дворе тем часом начался жидобой. Томочка, как правоверная жена, рвалась принять фамилию мужа Беркенгейм, на что папа Женя во-

пил как потерпевший: «Тома, ты рехнулась!..» Еле умолил ее остаться, как была в девах, — Калякиной-Калединой.

Бабушка Липа снисходила к выбору дочери и в разговоре с соседями сохраняла объективность: «Женя еврей, но из хорошей семьи». А дедушка Георгий загрустил. Он вообще считал, что человек, прежде чем родиться, должен принять граммов 150, мечтал на законном основании захмеляться рука об руку с зятем, а тут — облом.

Союз в те годы был нерушим и многонационален: на Томочку был спрос. Она работала в Гослите редактором, вела творческий семинар по азербайджанской литературе в Литинституте, работала консультантом в Союзе писателей и переводила толстые восточные романы. Сокращать себя авторы не давали: казна платила с листа. Странное дело, ей, веселому человеку со вкусом, эта долгоиграющая писанина нравилась. Но иногда она швыряла рукопись, вцеплялась в волосы и хрипло выла: «Не-е могу-у!..»

Восточные гости не покидали наш дом. Аллах запретил им сок виноградской лозы, они пили водку. Среди них были солидные люди: секретари Союза писателей, начальники. Один пожилой туркмен с депутатским значком на лацкане меня заинтересовал — у него не было уха. Я дождался, когда он загрузится алкоголем, и робко поинтересовался: а где у вас ушко? Дядя, расслабившись, рассказал, как в детстве пас овец, но прилетели аэропланы, убили весь аул, попало в ухо и ему. «К вам немцы прилетали?» — уточнил я. Туркмен, мигом протрезвев, засобирался в гостиницу. Мама негромко пояснила, что так советская власть выводила басмачей. Я рыпнулся в автобиографическую книгу туркмена: детство было, овцы были, аэропланов не было.

Всю жизнь я удивлялся, кто же читает мамины переводы? Впрочем, один верный читатель у Томочки был — ее отец, дедушка Георгий. Ему очень нравился, к примеру, роман Берды Кербабаева «Решающий шаг», где свободным трудом строился ненужный Каракумский канал. Позже я узнал, что в молодости Берды Мурадович был секретарем у легендарного басмача.

Восточные писатели даже пьяные вели себя достойно и сдержанно. Но проколы случались. У одной заслуженной дамы в роскошном китени (национальном платье) родился долгожданный внук,

она не могла нарадоваться. «Тамара! — забыв об осторожности, восклицала она, — это не мальчик, это басмач!»

Мама много работала, воспитывать меня было некогда. Я плохо учился, маму часто вызывали в школу. Ей надоело объясняться с директрисой, она посылала вместо себя подруг побойчей. Иногда мама помогала мне в учебе. Накручивая перед сном волосы на бумажки, она споро решала алгебру. А теперь сам, говорила она. Я канючил: не получа-ается. Мама раздраженно выдергивала папилютки из головы и угрожающе шипела: «Через 10 минут не сделаешь — измордую». Я решал — через 5. К сожалению, она меня не била. Дедушка Георгий, выпив слегонца, порой гладил любимую дочку по головке: «А хочешь, я его по темечку молотком тюкну? Ты денек-другой поплачешь, а зато потом какая жизнь начнется!..»

Чтобы улучшить ситуацию, я начал врать: «терять» дневник, расписываться за родителей и т. п. Томочка, обнаружив случайно в дневнике истинный вопль классной руководительницы: «Тов. родители! Кто расписывается за вас в дневнике фамилиями Маркин и Кузнецов? Примите меры!», педагогировала кратко: «Будешь врать — убью!» А что мама запросто может пришибить, я не сомневался, ибо был свидетелем убийства. Ехал мужик на грузовике. Пацан кинул в него снежок. Мужик отловил хулигана, стал теребить. В это время шла мама, оживленно беседуя сама с собой, недоспорив, видимо, с кем-то на работе. С сумками наперевес она бросилась на мужика и, как нунчаками, стала молотить его авоськами по голове. Слава богу, она была в тяжелой шубе и скоро выдохлась. Мужик остался жив. По его лицу текла кровь вперемежку с разбитым кефиром. Потом мама чинила ему голову. Отойдя от стресса, он восхищенно пробормотал: «Ну, баба, ты даешь!..»

Меня мама не била. Впрочем, вру. Лет десять назад на даче, оторвавшись от машинки, я тишком убрел со двора по пьянствовать с почтенным соседом-пенсионером. Стоял ясный день, у ног бродили разноцветные куры, лениво зевала кошка, мы пили вдохновенный самогон, настоящий на черносмородиновых почках, закусывая чесноком с грядки. Мама, заподозрив неладное, навестила нас, опираясь на роскошную палку из можжевельника. И без разговора ударила меня по голове. Палка сломалась. Я, утирая кровь с лысины,

вскричал: «За что? Убить могла!..» Матушка вяло махнула рукой: «Не велика потеря для отечества. Палку жалко».

— Не волнуйтесь, Тамара Георгиевна, — засуетился ошалевший сосед, — я вам новую палочку спроврю.

Зачем-то мама перед разводом с отцом родила дочку. Отцовство девочки было какое-то время сомнительным, ибо маму в то время безумно любил поэт Владимир Львов. Так они и пришли в роддом: с одной стороны — дядя Володя, с другой — папа с товарищем на случай возможной схватки. Но мама ушла и от папы, и от Володи. Папу она любила, но не уважала, а Володю — наоборот. У него катастрофически отсутствовало чувство юмора. Ситуация разрешилась трагически. По невыясненной причине Володя утопился. В бассейне «Москва». Коситься, разумеется, стали на Томочку, Евтушенко перестал с ней здороваться. Через десять лет у костра я услышал, как студенты поют очаровательную песню про Тамару. Я поинтересовался: чьи слова? Оказалось, Володины. А «Тамара» — Томочка.

Прочитав в «Вечерке» про развод с «гр-ном Беркенгеймом Е. А.», мама всплакнула, но не затяжно. Природа не терпит пустоты. Матушке было 36. Мужики на Москве оборачивались ей вслед, а что творилось в подведомственных Азербайджане и Туркмении — не пересказать! А уж когда мама начинала торговаться по-турецки на рынке!.. Да что рынок! Томочку увидел в Баку сам Назым Хикмет и сделал стойку. Оправдываясь за толковище на официозном курултае, чему она была свидетелем, он подарил ей книгу с припиской под фото: «Тамара-ханум, этот восточный дурак не я». Там же — сердце, пронзенное стрелой. Стрела полетела за Томочкой в Москву, и она, конечно, влюбилась в Хикмета. Он смешил ее, рассказывая про себя негероические байки. Например, как Маяковский перед его выступлением в Политехническом сказал: «Не бойся, турок, все равно не поймут». И ни слова о турецкой тюрьме и легендарном побеге на моторной лодке... Но мама устояла, она привыкла распоряжаться своей жизнью самостоятельно.

И потому в санатории в Подлипках выбрала столик у окна, за которым сидел неважно одетый дядька, Иванов Аркадий Дмитриевич, начальник модельного цеха ракетного завода. У Аркаши не было легкого (туберкулез), но была неразведенная злая жена и две злые

взрослые дочери. Жена написала в партком. Секретарь парткома, Аркашин друган, посоветовал «развестись с заразой, а выговор мы через год снимем». Жена пришла к нам в Басманный. Женщины поговорили. На обратном пути жена завернула ко мне в школу и сообщила, что мать Сережи Калякина-Каледина б...ь, чем порадовала директрису.

Пока мама с Аркашей женихались, меня откомандировали к отцу в Уланский переулок. Контроль надо мной был окончательно потерян, родня с обеих сторон жалела меня, закармливая на убой. Я радовался, как мальчик Мотл из Шолома Алейхема: «Мне хорошо, я сирота!» Я жалел отца, но обожал мать, чем вызывал раздражение тетки, сестры отца. «Тамара, ты создала у сына свой культ», — выговаривала она маме по телефону. «Создай свой», — смеялась Томочка.

Аркаша кадрил маму по высшему разряду. Как в сказочных фильмах Астрахана. Кроме модельного цеха под его началом была ведомственная водная станция и, стало быть, по субботам Аркаша встречал Томочку после работы в Химках на катере, заваленном цветами, и они уплывали любиться на живописное водохранилище.

Разумеется, Томочка вознамерилась завести ребеночка, но внематочная беременность перебила резвые планы молодоженов. И слава богу, иначе, боюсь, я оказался бы на периферии ее внимания, ибо Аркаша меня не любил.

Не любил за лень, за нерадивость, но терпел как принудительный ассортимент к обожаемой жене. Я же его уважал безмерно, считая эталоном мужчины. Он ничего не смыслил в литературе, зато был мастером спорта по стрельбе, лыжам, коням. Рисовал, фотографировал. Умел делать все. Даже настроил бросовый рояль, увидев его впервые живьем. И ничего и никого не боялся. Нет, боялся, был грех. После расстрела отца боялся жены, она грозилась, если что, заложить его в НКВД.

Мама зарабатывала много больше его, но финансовый антураж жизни был таков, что Аркаша не испытывал неудобств и с этой пикантной стороны.

Он был единственным мужчиной в жизни Томочки, который ей был по росту, не жал в плечах. Злые бабы фыркали: за столяра лысого вышла, умные по-хорошему завидовали.

Но многим мама жизнь подпортила. Отец после нее так и не женился. Да и я невольно сравнивал с ней всех своих барышень и жен. Свою дочь, мою сестру, мама тоже дезориентировала. Наставляла, что в женщине главное глаза, душа. Все остальное, мол, ерунда. Вольно ей было так проповедовать, если у нее и все остальное было по люксу.

И все же дефекты в ее образе были. Например, она мечтала завести красивую торжественную болезнь типа гипертонии, на худой конец подагры. Что-нибудь хроническое, но не очень смертельное.

Схоронив Аркашу, мама призвала папу Женю, и он послушно служил ей до конца. Мне такой поворот сюжета не нравился. Отца я любил, но «...еще не истоптала башмаков, в которых гроб... сопровождала...». Томочка прояснила ситуацию незатейливо: «Это я делаю для вас, для детей». Она слегка сбилась с арифметики: дети к тому времени были уже типа перестарки.

Жен моих мама не жаловала, но спокойно. А вот к кому у нее была страстная ненависть на протяжении 35 лет, это к моему старшему другу Леониду Михайловичу Гуревичу. А тот, в свою очередь, ее ревностью очень гордился.

После удаления почки мама накручивала километраж: один год, второй, третий... На одиннадцатом гнида обнаружилась и во второй почке. Мама привычно не испугалась, а я припух. Что делать? Как быть? Пересадить свою почку, купить чужую? Умные люди посоветовали не пороть ахинеи. Значит, срок. Но я решил ахинею чуток попороть. Аккурат по ТВ тетя-профессор рассказывала, как вылечила рак у себя и лечит у других живой водой. В смысле ядом. Яд — «Витурид» — настой солей ртути. Чем-то подобным в свое время извели Ивана Грозного. Я связался с ядовитой тетей, и под «Витурид» Томочка накрутила еще пять лет. Но уже не совсем своих, видимо, яд разрушал не только опухоль, но и личность. Я в этом (при ее жизни) не разобрался, обижался на нее и ее обижал. Но мой рассказ не про больную маму, а про Томочку. Кстати, почему Томочка? Бабушка Липа назвала ее по опере «Демон». Мама свое рокошущее имя ненавидела. И заставляла всех звать ее только Томочкой.

...Спасала она меня всю жизнь. Сначала — в стройбате. Я был уверен, что живым мне оттуда не выбраться. А потом спасла уже раз и навсегда.

После армии я хотел поучиться, но комсомольцем, копируя мать, не был. На рабфак филфака МГУ меня не взяли. Томочка, натужив старые связи, поступила меня в Литинститут на переводчика... с татарского. Очного татарина из меня не получилось, перевелся на заочного критика. Учеба замерла. Первый диплом за меня написала третья жена, пока я был на шабашке, и отстучала мне телеграмму на Сахалин: «Диплом ты написал. Не скрою, вшивый». В Москве я прочитал, что «написал», — волосы встали дыбом. Я взял академический отпуск, потом второй и вообще решил бросить эту канитель. Уж очень благодатная жизнь была вокруг. Я развелся в очередной раз, у меня была квартира, какие-никакие деньги. Мы валялись у меня в Бескудникове на кошмах с разнополыми бездельниками, пили «Саперави» по рубль сорок, варили хаш из костей по 26 копеек, играли на бамбуковых флейтах, короче, гнали дуру. И гнали бы ее до морковкина заговенья. Жить мне помогало красное удостоверение: на одной стороне «Клуб. Художественная самодеятельность», зато на другой — золотое тиснение «ПРЕССА». Внешнего вида удостоверения было достаточно в курьезных ситуациях, хотя внутри рядом с моей фоткой значилась «Калякина-Каледина Елена Евгеньевна, машинистка». Сестрино удостоверение.

И вот тут-то посреди этого благоденствия нагрязнула Томочка. Она была нагружена скарбом, из узла торчала ручка скороварки.

— Чем обязан, матушка?

— Хочу убедиться, сын у меня полный кретин или нет? Диплома написать не может!..

И заперла за гостями дверь.

— Я к тебе на месяц. Буду тебе варить-стряпать. Телефон отключую. Вечером моцион. — Она рассеянно подошла к окну. За окном черным дымом коптила мусоросжигающая фабрика. — Ты, кажется, на кладбище работал? Прекрасная тема, свежая, незастолбленная. Сядь и напиши, 50 страниц. А то на всех один Йорик.

Я отсчитал 50 страниц и в конце последней зеленым фломастером жирно вывел «П... ц!».

Как ни странно, через месяц я подобрался к заветному слову. Мама прочитала, сказала «прекрасно» и укатила. Я ей не поверил, ибо помнил, как страстно она расхваливала восточных авторов. Но

ее диагноз подтвердили независимые эксперты. У меня отрасли крылья, и я в охотку трещал ими 10 лет, пока не напечатали. В эти годы мы с Томочкой жили-работали на даче или в приснопамятных домах творчества, где нас иногда принимали за супружескую чету, но чаще за мать с сыном-графоманом. Перед глазами она не маячила, но когда я упирался в сюжетный тупик или мне не хватало слов, тут же возникала: идем чайку попьем, так ничего не высидишь, по себе знаю. И сокращала безбожно, резала по живому, с остервенением, как бы вымещая на мне злобу на неприкосновенных восточных авторов, которых все еще переводила и которые нас кормили все эти 10 лет. Когда «Кладбище» напечатали в «Новом мире» я спросил ее: довольна? Оказалось, нет: «Еще два раза напечатайся в «Новом мире», уважь глупую мать, упокой ее старость, тогда отстану». Злые языки утверждали, что Тамара пригнала Залыгину вагон азербайджанского коньяка. Мама наветы не опровергала. Я ей подыгрывал: и Бога, мол, маманя забашляла.

После моей третьей публикации в «НМ» мама поутихла. Теперь она вынашивала другую идею. «Вот до шестидесяти лет тебя доведу, потом пару лет на переподготовку и — хватит. Довольно. Лучше ты уже не напишешь, а хуже — не надо. Делать тебе на этом свете больше нечего. Болеть, пьянствовать... Ни к чему. А я с тобой за компанию. И тебе хорошо и мне спокойно».

Но умерла она досрочно. Перед смертью в бреду разговаривала с Володей Львовым.

Моя бы воля, похоронился бы впополаме: к Томочке — в Химки и к отцу — на Ваганьково.

2007 год

СОСЕДКА

Ромка-а!.. Где мой сотовый?! Это Тамара Яковлевна Норова, соседка моя возлюбленная, шумит, опять внук ее с девками куда-то унесся и мобильник прихватил. Она пробралась сквозь малину к забору, где я мучился с бесконечным хреном, маленькая, похожая на пожилого спортсмена в тренировочном костюме, с огромным лопухом на голове под косынкой — от давления.

— Телефон потеряла. Крестины сегодня, а наши опаздывают, позвони, сынок, что стряслось? — Чтоб не стоять попусту, она выдрала здоровенный хвоц в половину ее роста.

— А как дитя назвали, по-нашему или по-ихнему? — Вопрос мой не праздный: внучка замужем за корейцем.

Соседка поправила лопух под косынкой.

— По-ихнему... Владиком... Ты хрен три — против ветра и черняшку за скуло, иначе слеза пойдет.

С Тамарой Яковлевной, потомственной дворничихой, мы живем через забор треть века. Садовое товарищество наше пролетарского происхождения — все друг другу врут, завидуют, перегрызлись в кровь, а у нас разлюли-малина... Ни на меня, ни на свою многоярусную родню она ни разу не повысила голос; а если вдруг и возопит: «Куда, пропала?! Убью, сучара!..» — это на животный мир — курей, кошек или свинью Клаву, — которые, видимо, что-то нарушили в ее огороде. Врать она брезгует, завидовать не умеет, вечером у забора, где основное наше общение, сетует: «Что ж они все заврались напрочь!.. Ведь это ж не упомнишь, где, кому, что наплел, а если собьется потом — сраму-то!.. »

— Что-то Фроси давно не видно? — Кошки Тамары Яковлевны столуются и у нас.

— Всю зиму с Васькой гуляла, теперь опросталась, котят попрятала, знает: пока слепые, я их купаю, а уж за ручку приведет — пусть живут. Прививку ей буду делать от беременности или Ваську ампутировать.

Когда-то она топила очередное поголовье, зарыла, утром услышала писк. Расколукала могилку — один живой. Теперь — любимец. У Васьки с возрастом черный мех стал рыжеватый, как старый крашенный котик. Никакой кастрации она ему, разумеется, делать не будет и Фросю любезную не станет беспокоить. Вечерами она воркует с ними елабызным голосом: «Кисонька, девонька, мальчик усатый, пошли баиньки». Как-то Фрося потерялась, Тамара Яковлевна переполохала всю округу: «Кто найдет серую кошечку в положении, дам денег». Ее завалили котами всех мастей, среди них отыскалась и отощавшая Фрося.

Центровая ее проблема — Клава. На 85-летие Тамаре Яковлевне подарили живого поросенка, зарезать руки не дошли; теперь Клава — член семьи, второй год бродит по грядкам, похрюкивает, дети на ней катаются. А Тамара Яковлевна сокрушается: «Ее не резать, ей боровка надо — петелька, вон, красная; гуляет...»

Свинку она назвала в память единственной подруги, покинувшей ее недавно. Клавдия Ильинична была культовым непререкаемым авторитетом для Тамары Яковлевны, ибо судьба Клавдии была значительнее ее собственной. Если Тамара Яковлевна в школу 3 года все-таки ходила, но работала дворником, то Клава без единого класса образования была старшим товароведом, сидела при Сталине как враг и вредитель, водила машину, играла на баяне и гитаре собственные песни, в молодости была красавицей — пережила четырех мужей (последний скромно повесился в шкафу, о чем Клава говорила с гордостью); родственников презирала за бессмысленность их существования. Умирала она на даче в одиночестве, ходила за ней только Тамара Яковлевна. На ночь Тамара Яковлевна запирала у нее Фросю, но Клава кошек не любила, Фрося это чувствовала и мышей не ловила. Тамара Яковлевна печалилась, что «по живой еще Клаве мыши бегают», а Клава ругала подругу, что Фрося на крыше рвет когтями рубероид.

На сегодняшний день Тамара Яковлевна всех любит равно, но предпочтения — племяннику Сереге, у него болезнь Дауна. Тамара

Яковлевна пасет его с детства. Родители Сереги в Москве с другими детьми-внуками, нормальными. Серега должен был помереть давным-давно, но за ним такой уход — живи — не хочу. Со спины нас часто путают: он тоже лысый и также ставит ноги елочкой, правда, одет несравненно лучше меня. Когда кличут его — я отзываюсь. Серега зовет тетку Ня-ня. Он тихий, но если Тамара Яковлевна забудет дать ему вовремя долгоиграющую таблетку, Серега «норовит ее доской или зубом». Тогда она несильно стегает его хворостиной. Болезнь племянника она плохо понимает, говорит: «Парень-то хороший, только отсталый».

Книги мои соседка со мной не идентифицирует, полагая, что я — типа машинистки, порой кручинится: «Тебе бы, милый, на работу куда определиться, на машинке-то много не начеканишь, только пальцы собьешь». А недавно прониклась. Принесла из уборной клочок газеты: «Дни рождения. 28 августа родились: Иоганн Вольфганг Гете, поэт, мыслитель. Наталья Гундарева, актриса. Сергей Калядин, писатель». И добавила: «Если к тебе ночью кто ломиться будет, кричи мне, прибегу, зарубаю, я ветеран».

Каждое утро-вечер она, заложив руки за спину, неспешно, как помещик, обходит свое безукоризненное хозяйство. Меня не осуждает, даже если я зарастаю одуванчиками по уши.

Землю она любит, но ее страсть — грибы. Бегала в лес даже с годовалым Серегой, он еще не ходил. Бросит под куст, листочками присыплет и — вперед... Но один раз Серега уполз. Тамара Яковлевна отыскала изгрызенного комарами умолкнувшего племянника лишь на следующий день, за что была ругана зятем (зачемшла?). Вместе с грибами она приносит из леса байки: «Иду, сопит ктой-то, глядь: в муравейнике кабан разлегся, прям как пьяный мужик».

Она всегда при деньгах, раньше — тем более: собирала бесценный голубиный помет с чердаков, которыми беспрепятственно пользовалась как заслуженный дворник и ветеран трудового фронта. Меня ссужает любой суммой в любое время.

Однако по весне наша пастораль регулярно дает сбой. Банки с огурцами она на зиму зарывает в огороде, весной тычет землю щупом, как сапер, и не всегда сразу все находит. Несколько дней она неприветливая, смотрит на меня подозрительно, я стараюсь ей на

глаза не попадаться. Затем подземные огурцы обнаруживаются, баночка-другая перебирается через забор ко мне — отношения возобновляются.

...Сейчас она колет на зиму дрова, хотя у нее полная поленница, лопух выпал, про давление она забыла.

— Mam, ты куда мои очки убрала?!.

Это кричит ее бывшая невестка Жанна, раскинувшаяся в шезлонге под ранним ультрафиолетом — обливная, бело-розовая, коротко стриженная, крашенная в модный синеватый цвет, издали похожая на Клаву, похрюкивающую неподалеку в кабачках.

— Куда-куда... — ворчит Тамара Яковлевна, — коту под муда. На комод лежат... Засохнешь с вами без полива.

Экс-невестку Тамара Яковлевна уважает, ибо работа той была и опасна и трудна (офицер КГБ, стенографист на допросах), но не любит, считает, что она унижала мужское достоинство ее младшего сына. Жанну часто вызывали по ночам, возвращалась она томная, иногда с винным духом. Где была, чего делала? — гостайна. Жанна вышла в отставку, устроилась распространителем косметики и развелась с мужем — одновременно, но отношения со свекровью сохранились: на даче она по-прежнему отдыхает. Кстати, к барщине Тамара Яковлевна никого никогда не принуждает. А сын переместился к стройной сексапильной блондинке — вдове Жене Петуховой. Вдова значительно старше сына, но Тамару Яковлевну это не смущает — перед глазами пример любимой Аллы Пугачевой. Со старшим сыном было сложнее. Юрка пил смертной чашей, утонул по пьянке, а через двадцать лет за ним по проторенной реке навсегда уплыла его жена, пожилая красавица Светка, оставив записку, что всех ненавидит, кроме Тамары Яковлевны.

Тамара Яковлевна осторожна, не болтлива, подробности ее жизни я узнаю по крохам, и когда подбираюсь к ней с вопросами про былую, коммунистическую жизнь при Сталине, как ходила понятой при арестах (дворник, понятное дело) — виртуозно уклоняется, прям второе Громыко.

Я старший по улице. Моя обязанность — помойка. Она полна, наши рыть не будут из гордости, небрезгливая местная пьянь перемерла, а потому нужно срочно идти в деревню просить Колю-Боцмана, чтоб

вырыл новую за 200 у е., зарыв одновременно старую, иначе лесник страшает заложить нас по полной в экологическую полицию.

Коля-Боцман мне не откажет, ибо в неоплатном долгу... Как-то весной я пошел за березовым соком. Глядь, навстречу дева из чащобы выходит, голая, стройная, но с побитой мордой и пошатываясь. Маха обнаженная!

— Дайте мне сока березового, — протянула ко мне тонкие беззащитные руки.

Я привел Маху к себе, дал плащ, опохмелил, узнал ее историю. Звали барышню, выпускницу Можайской женской колонии, Ларочка. У нее недавно зарезали сожителя. Она искала счастья в наших краях, познакомилась с юным алкоголистом. На ту беду ранней электричкой приехала из Москвы мать студента, обнаружила разврат, забила Ларочку поленом и голую выгнала в лес.

А Коля-Боцман, сдвинутый, но крепкий деревенский мужик, давно просил меня устроить его на работу, или познакомиться с барышней, или дать веревку. Я привел к нему Ларочку. Она ему приглянулась и вскоре переехала на ПМЖ. Жили они с Боцманом неплохо, кормились с богатой коттеджной помойки. Ларочка не скучала: когда они с Боцманом были в безалкогольном простом, она разговаривала сама с собой разными голосами, что было следствием предыдущего запоя. Боцман любил ее слушать. Скоро про Ларочку узнали в округе, она стала популярной среди дееспособных садоводов преклонного возраста. На нее образовалась очередь. Расплачивались с Колей за нее и деньгами, и натуральным продуктом. Ларочка расцвела — обновила гардероб, справила зубы.

...Я пересек еловый подшерсток, отделявший наше садовое товарищество от запущенной деревеньки Гомнино.

Возле разваливающейся желтой избы с табличкой от былых времен «Дом образцового содержания» на скамейке сидел бывший деревенский пастух Франц Казимирович с женой. Франц, пока не пропил с сыновьями корову, торговал молоком. Тамара Яковлевна со своей разросшейся семьей была его главным клиентом.

«Чертов гном», так звала Франца супруга за рост и нрав, одетый по инерции в зимнее, был, как всегда, недоволен. Еще и оттого, что плохо видел: веки, как у Вия, не держались, где надо, и заполоняли

глаза. Чтобы видеть, он обычно закреплял их пластырем ко лбу. Сейчас без пластырей он был слеп и бухтел что-то недружелюбное.

Зоя Петровна привычно не слушала мужа, вяло отмахиваясь от него, как от назойливой осенней мухи.

— Здорово ночевали, труженики села, — сказал я. — Как жизнь, Франц Казимирович?

Франц закинул голову назад, освобождая глаза.

— Тебе чего?

Зоя Петровна ткнула мужа локтем.

— Не цепляйся к человеку. Слыхал: Валька-то вчера на мотоцикле расшибся. Скорая полночи собирала...

— Какой такой?.. — забурчал Франц. — Не зна-аю...

— Да Валька, крестник твой, — миролюбиво пояснила Зоя Петровна, — больно выпивши...

— Валька?.. — Франц сморщился, припоминая, отмерил от земли рост карлика. — Це таке?.. Малой?..

— Какой «малой»? — начала заводиться старуха. — Ты скажи еще: грудник! Крестник твой, Валентин. На мехлопате работает.

— Не зна-аю, — замотал башкой Франц, уши зимней шапки, не схваченные наверху, а лишь забранные вовнутрь, расплескались.

— Чего не знаешь, старый идол! — зашлась в астматическом кашле Зоя Петровна. — Издевнуться решил!..

На шум из желтого дома, пошатываясь, в спадающих трусах, в очках, выбрел младший их сын Витька и стал пристраиваться возле дома, придерживаясь за угол.

— Резеду не обоссы, — буркнул Франц, но поздно.

— Сынок, — виновато улыбнулась Зоя Петровна, — пшикалку мою от астмы принеси, на окне. И трусики поправь...

— Сама возьмишь, — Витька рыгнул и неуверенно побрел в избу.

Зоя Петровна проводила его унылым взором.

— Все болезни мне Витька открыл... Старый когда помрет, я с им не останусь. Я сразу в богадельню.

Франц недовольно заерзал.

— Куда-то ты намылилась?

— Когда помрешь, — успокоила его жена. — Живи, старый, никто тебя не торопит.

— А то — ишь... — бухтел Франц, — в богадельню она настрополилась. Кому ты там надо: ни сисок, ни грудей, ни спереди, ни сзади, одна арматура осталась, заметь-имей в виду.

Зоя Петровна погладила мужа по плечу.

— Это ты, старый, меня всю изгвоздал. Ты да сыны твои.

— Да ты еще раньшей меня управишься.

— Вот тогда они тебе покажут ебейную мать, — невесело усмехнулась Зоя Петровна. — Заклюют напрочь. Витька-то меня который раз зарубить намеряется. Я уж и так лицом в стенку сплю — чтоб топора не видеть. Пока терпит — денег жалко: у меня же пенсия оккупантская — 6 тыщ, по удостоверению «Узник фашиста».

— Да что это вы, друзья, не воскресный разговор затеяли, — всунулся я. — Вам Тамара Яковлевна привет передавала.

— Томка?! Как у ней самочувствие?

— Давление.

— У нас тоже что-то в этом году все старухи разом посыпались, — закивала Зоя Петровна.

— Какой ты узник? — запоздало ворчал Франц. — Узник она! Ты под немцами была. И давала им... Предатель!..

— Кому я давала! — возмутилась Зоя Петровна. — Чего несешь, старый идол!.. Это Панка Кобылянская давала!.. Ты лучше скажи, зачем сынов спойл?

— Я тебе скажу, все скажу! — Франц погрозил клюкой неопределенному врагу. — Вот поправлюсь и подохну еще раз, заметь-имей в виду.

Он не бредил. Два года назад битый Витькой по пьянке, он, обидевшись, выпил пузырь уксусной эссенции. Полгода висел на капельнице, но выжил.

— Не торопись на тот свет, — заправляя выбившееся ухо шапки мужа на место, усмехнулась Зоя Петровна. — Там кабаков нет, никто не поднесет... Петушка что ль Томке в подарок зарубить?..

Тем временем Франц, закинув голову, сосредоточенно наблюдал за толстой бурой жабой, замершей у голенища заплесневелого сапога возле канавы. Из голенища вылетела оса, жаба выкинула быстрый язык, насекомое прилипло к нему и уехало в жабу. — Все гнез-

до перевела, — оживился Франц, но вспомнив, что он злой, буркнул: — Чего стоишь? Иди, куда шел.

Боцман, в очках на веревках вместо дужек, зашивал галифе.

— Пошел с Ларочкой в церковь браком обвенчаться — матушка собаку спустила, портки порвал и крест потерял.

— Пусть Ларка и зашьет, ты иди помойку вырой, 200 у. е.

— Время будет — сделаю, — незаинтересованно кивнул Боцман. — Ларочка в клуб умчалась: там Газманов с Аллегровой приехали, у них шоу типа двойников. Все-таки роковая женщина.

— Аллегрова?

— При чем здесь! Ларочка. Ложки взяла, кастрюлю алюминиевую, раскладушку без брезента — все вынесла, а рукомойник не тронула. Потому что — с водой. Выходит, рачительная, а то все: блядь да блядь.

Боцман поймал за хвост пробежавшую мимо тощую кошку с ободранной шеей и выщипанным у основания хвостом, зажал коленками, капнул ей на лоб из чашки.

— У нее тут лишай. Ларка говорит: фукарцин надо, а лучше самогона на лишай и нет ничего. — Он подул на лечёбу и смахнул кошку с колен. — Так-то лицом она красивая, глазки зеленые, но как человек говно.

— Ларка?

— Кошка... И что главное: у чужих Ларка не берет, а здесь заимствует без возврата.

У церкви в Алексине толпился народ. Я помахал из-за ограды соседям с младенцем Владиком на руках. Тамары Яковлевны, конечно, не было, с Богом она предпочитала общаться на дому. И я не пошел в церковь, озабоченный помойной ямой. Я решил вырыть помойку самостоятельно, наточил лопату, разметил яму и до темноты зарылся на полкорпуса...

— Сере-ега!..

Меня или Серегу? На всякий случай отозвался. Оказалось, меня — отмечать крестины.

Праздник был в разгаре. За столом преобладала разнокалиберная корейская родня Тамары Яковлевны. До последнего времени Тамара Яковлевна относилась к ней настороженно: родня была немногословная, а главное — непьющая. Ледок в отношениях расто-

пил старший правнук. Ночью Тамара Яковлевна проснулась от плача: мальчик под одеялом молился, чтобы Фросины котята остались живы. Растроганная прабабушка котят не потопила и сквозь правнука распространила свою любовь чохом на всю узкоглазую родню.

— За Москву и Московскую область! — сомкнула паузу Тамара Яковлевна и пошла за холодцом.

На пороге она споткнулась, тихо осела и медленно повалилась набок.

— Бабушка упала! — засмеялся правнук, спаситель котят. Он подбежал к ней и схватил за руку, чтобы помочь. — Вставай, баба...

Тамара Яковлевна не слушалась. Родня выскочила из-за стола, стали засовывать ей в рот бесполезные таблетки...

— Мама, ты слышишь меня? — кричал ей в ухо сын. — Ма-ма?!

— Фро-о... — прошелестела Тамара Яковлевна. — Фро-о...

— Кошку хочет, — догадался я. — Фрося, кыс-кыс-кыс...

Заспанную Фросю достали с печки, положили на грудь Тамаре Яковлевне под темную жилистую руку с обрезанным на одну фалангу указательным пальцем. Короткий палец шевельнулся, стараясь погладить кошку, но, не совладав с бессилием, замер. Глаза Тамары Яковлевны затуманились и остановились.

...Второй сосед Тамары Яковлевны, мощный пенсионер Петр Васин, на крестины зван не был. Он, приватизируя участок, заступил при межевании пядь земли, признать неправоту отказался и таким образом сокрушил многолетние отношения с соседкой. Тем не менее я взял алкоголь и пошел к Васину на досрочную тризну. Помянули. Подтянулся еще один бравый пенсионер, Петя Грек. Грек сторож в церкви и поет на клиросе. До церкви он был парторг и конструктор по лазерам. Всю жизнь работал и учился: в ремеслухе, вечерней школе, техникуме, техническом институте, в институте марксизма-ленинизма. В последнем он уверовал в Бога, слегка рехнулся на 3-ю группу и бросил работу, не дойдя до пенсии. Грек знает все, если слушать его советы, можно жить не напрягаясь. Но, кроме меня, его в нашем околотке никто не воспринимает. На участке у него ветхая халупа, косо вросшая в землю, пять ржавых разрозненных автомобилей, под навесом старый кульман, иногда хозяин на нем чертит что-то таинственное. Рядом самогонный аппарат модер-

низированной конструкции; самогон он гонит хороший, но слабый. Грек умудряется 2 раза в год ездить в дармовый санаторий. Старость его не берет. На поминки Грек пришел в зеленых леггинсах, явно с чужого плеча, при галстукe.

Мы еще помянули Тамару Яковлевну. Грек встал и завел речитативом: «Попомним об убиенных, кои лежат ныне в сырой земле дождевыми каплями, яко стрелами, пронзенные. И будь святой Пантелей им в помощь». Мы с Васиным почтительно переглянулись, встали, ошибочно чокнулись. Васин вспомнил, как в войну делал своей бабушке Анисье гроб из стенки деревенской уборной, а могилу копал дезертир из Ивантеевки за буханку хлеба. Мы еще помянули, в дело пошел уже самогон Грека. Обоим дедам я классово чуждый, но Грек меня уважает, а Васин терпит.

— А Колька от цирроза помер, — Васин вспомнил мужа Тамары Яковлевны. — Повешался он, — уточнил Грек.

— Это у Клавки повешался, а Колька — от цирроза! — стукнул татуированным кулаком по бревну Васин. — Не обижай Николая.

Грек пожал плечами и снова встал. Мы с Васиным приготовились услышать опять что-нибудь религиозное. Однако у Грека произошел сбой программы — он широко развел руки и грянул на все товарищество: «О-огней так мно-ого зо-олоты-ых...»

— Смолкни! — рявкнул Васин. — Покойник в доме!

Но Петя Грек не внял: — А я люблю-ю же-ена-атого-о!..

Я попытался зажать ему рот ладонью. Он противостоял.

— Дай ему по рогам! — посоветовал Васин.

По рогам Греку я, конечно, не дал. По рогам дал он мне, неверно поняв тезку. Потом порвал на мне рубаху, и мы рухнули в крапиву. Он лягал меня, я просил у Васиной помощи, усмирительной, но не болезненной для Грека. Однако теперь мою просьбу неверно понял Васин. Когда Грек поднялся, Васин врубил ему, но не по рогам, а по зубам. Новым, белым, свежевставленным. Грек снова пал в крапиву. И уже не вставал.

— Помянули... — пробормотал я, отряхиваясь, — по-русски...

— Несклеписто получилось... — Васин задумчиво разглядывал свой кулак. — У нас тренер по боксу был безрукий... Леонид Щербаков.

Но Петя Грек вдруг шустро встал раком, выждал равновесие, поднялся в полный рост, проверил зубы. Васин налил посошок, мы выпили, я подхватил Грека и повел домой. В саду Тамары Яковлевны похрюкивала осиротевшая, не загнанная в сарай Клава.

Навстречу нам в ночном мраке, пародируя мою походку, брел Серега, про которого тоже, видимо, забыли. Он заступил нам дорогу, развел руки вялым недоделанным крестом и сказал одутловатым голосом:

— Ня-ня?..

И заплакал, как человек.

2008 год

ПОЧЕМУ ПРОИГРАЛИ ВОЙНУ

Весна. Все затопило. И меня залило зимним жиром по уши. Пора худеть, иначе стыд — срам. Диета штука обременительная и накладная, но надо — Пасха на носу. А за ней и День Победы.

Лет пятнадцать назад я справлял Пасху в Израиле. Ходил по святым местам, купался в Кинерете. И вдруг стало не по себе, ни с того, ни с сего. Позвонил в Москву: все, вроде, живы-здоровы. А грусть-тоска грызет. Не иначе, решил, с будуна, хотя пьянствовал вроде весьма умеренно. Собрал манатки, полетел в Москву. И точно: друг умер. Леонид Михайлович Гуревич, бывший десантник, в миру конструктор парашютов, пробитый на обеих войнах — финской и немецкой. Пригорюнился я — надо долги отдавать: когда-то Гуревич взял с меня слово, что вместо поминок напишу рассказ «Почему проиграли войну». Я сдуру пообещал, хотя тут же удивился: мы же победили. «Это не победа» — сказал Гуревич.

Помню треть века назад на экранах шел фильм «Освобождение». Со сдержанной гордостью сообщалось о погибших — 20 миллионов. Впервые за много лет на экране появился мудрый Сталин с трубкой в руке, в скромном мундире генералиссимуса. К прошлогоднему юбилею погибших оказалось уже 27 миллионов. Сегодня разговор идет о 30, а историки грозятся: еще не вечер...

В середине приснопамятных шестидесятых цензура давала сбои. В частности, в «Новом мире» вышла статья В.Кардина «Легенды и факты». Выяснялось, что не только залпа «Авроры» не было, но и победа под Нарвой оказалась поражением, и с героями-панфиловцами неувязка. Статья устроила на Москве переполох, правда, и огребли — автор и редактор — за себя и за того парня.

В то же время вышла книжка Александра Некрича «1941, 22 июня». Помню, в обеденный перерыв забежал в книжный у Новослободской, а там битком, продавщица орет: « За Некричем не стойте, кончается!» Книжонка мне перепала, зачем не знаю: я-то зашел просто покадриться. Принес ее в СКБ «Асбоцеммаш», где работал в ту пору исполняющим обязанности ученика чертежника. Учреждение было замшелое, помещалось в подвале, работали там, в основном, евреи, спасшиеся от послевоенного жидобоя, в большинстве — воевавшие. Злые языки называли наше КБ «помесью синагоги с богадельней». ...Книжку Некрича у меня спешным порядком изъяли старшие товарищи — вояки, учредив на нее официальную очередь под надзором главного гидравлика толстого лысого Лейзера Зеликовича Немецмана, с большим напрягом говорящего по-русски, разведчика. Оттягивались на нем в охотку: как же ты, Лиза, воевал, если ты по-русски не сечешь? — Я с русскими, таки вже, мало вдавался, а с немцами — на идише, конечно, на каком еще. Он ржал вместе со всеми, а на вечера приходил в таких орденах, что смехуны завистливо скребли репу.

Я снова помчался в книжный. Но барышня моя тревожным шепотом пояснила: книжек нет, из главка примчался дядечка запретить продажу, директора хотят уволить. (Директора магазина в результате пожалели, а вот Некрича уволили: сначала из партии, потом — из России).

Подобный ажиотаж мне довелось наблюдать лишь в седьмом классе. Там, правда, книгочеи были иного разлива. Пожилая татарка-уборщица орала на молодую, почему-то по-русски: « Когда Динисича отдашь?!. Рашид весь злой! Морду побьет!..» Рашид был старик-дворник, а «Динисич» — соответственно — «Один день Ивана Денисовича».

Через четверть века в Гарварде я спросил Александра Моисеевича Некрича: «А что было в вашей книжке сверхъестественного, если у нас в подвале все ветераны ошалели? « (Некрича я к тому времени, конечно, прочитал, мне было интересно, что он ответит). Александр Моисеевич снисходительно уклонился: «Я вам подарю.» Но я его все-таки достал: «А у нас и на политзанятии в стройбате вас вместе с Солженицыным и Дудинцевым ругали «клеветническим

отщепенцем». Некричу компания понравилась, он усмехнулся: «Тогда много книг о войне выходило. Начальник Генерального штаба Штеменко, маршал Жуков... Жуков, молодец, — про финскую кампанию даже не упомянул, вероятно, из скромности... У меня там... статистика, положение в мире к началу войны... Если в двух словах: как умудрился Гитлер при всех козырях проиграть? Да и мы ведь не особо выиграли.»

...Однако, весна на дворе. Утро туманное. Снега тают, обнажается собачье кало. Жена задает корм скотине: кошки беснуются вокруг «Вискаса». Я стою в мучительных догадках: откуда под березой еловые шишки, причем их количество с каждым днем увеличивается?.. Шишки свежие, но растрепанные, как будто кто-то их предварительно теребил. Может, думаю, мнится все это, весенние глюки шутки шуткуют? Или злая диета на мозги давит?

— Пасть закрой — кишки простудишь!

Это Старче зашел навесить, бравый пенсионер. Давно, когда он еще был просто немолодым мужиком, похода поздоровался с моей юной племянницей: здравствуй, мол, Машенька. «Приветствую тебя, Старче!» — воскликнула отроковица, не отрываясь от мультика.

Старче мне люб, не взира на грубость: он безропотно пасет стадо ничьих шавок, которые своей жоркостью сводят на нет его пенсию. Вторая его проблема — печь, которую ему сложили местные. Он их материт, но от других критики в их адрес не терпит: вступается за русских, споенных нерусскими.

Старче, придерживая бейсболку не по сезону, задрал башку:

— Не иначе — дятел... Точно!.. Ишь ты, шишкарь, наколотил...

Я побежал за очками. Действительно, дятел, маленький, скромный. Таскал себе из леса шишки, на березе питался, пустую шишку скидывал вниз.

Всегда, когда Старче проявляет слабинку в словах или чувствах, он усугубляет интонацию:

— Сам что ль не слышишь, как долбит, оглох?! — Он выговорился и выжидательно смолк...

Осенью я донимаю родню: жену, сестру, свояченицу. Гоняю их в лес по рябину. Потом на ней настаиваю водку. Получается божественное розовое пойло на манер амброзии. Но Старче настаивал на

канонической. Пока я выковыривал из комода прозрачную, он закурил у открытого компьютера.

— Опять херовину порешь!. Мы ж выиграли войну!..

Обиделся, надо разбираться.

— Ты в Афгане был?

— Четыре года семь месяцев.

— Как о ребенке говоришь — «четыре года, семь месяцев» — с гордостью. Чего поперся?

Старче снял бейсболку. Лысая башка его была надколота посередине душманским прикладом.

— Насчет чего?...Защищать...Патриотизм...

Старче в молодости служил на флоте, потом на заводе сантехником, и в Афганистан его в сорок лет взяли добровольцем без разговоров. Вернувшись с войны, награды вместе удостоверением прилюдно положил в цехе под пресс. Был он беспартийный, на дворе назревала перестройка: его не посадили, с работы не выгнали, слегка пожурили.

Я завел безнадежный культпросвет.

— Вот прикинь: Гитлер положил восемь миллионов, мы — тридцать. Это Победа? Генофонд уничтожили. И перед войной — отрицательная селекция.

— Кого-о?..

Я сбавил газ.

— Кто довел? Советская власть. Коммуняки. Наливай.

Старче улыбнулся:

— Ты как эта...Новодворская... А сам не будешь?

— Я на диете.

— Опять? Ты ж в том году голодовал.

— Так это — в том. По новой надо, глядишь, и девки — вереницей... Обманули тебя коммуняки. Жил бы хорошо — в Афган не поперся. Тебе за Афган хоть бабки дали?

Я ударил Старче по больному: «из-за речки» он, кроме расколотой башки, привез полмешка поломанных грубых серебряных украшений, о происхождении которых незамысловато рассказывал, что нашел на помойке. Они-то и помогали ему на пенсии сводить концы с концами.

— ...Мало того что у нас от советской власти одно страдание было, так они еще пол-Европы захватили, опустили, и СПИДОМ заразили...

— Это они — нас, — буркнул Старче.

— Идейным, имею в виду.

— «В виду», — передразнил Старче. — Что имею, то введу... Дался вам всем этот Сталин...(Я Сталина еще не касался, он только был на очереди.) Это татары всё натворили! Иго привезли, всё отняли и руки отбили. А коммунисты только напоследок подгадили. Вот мы и стали неудельные. Куда ж теперь? Какие есть..

— Плохие есть! Войну-то мы начали наступа-ательную, не оборонительную. И не в 41-м, а в 39-м по осени. Вместе с Гитлером в Польшу влезли. И дальше работали с ним рука об руку. Финляндия, Прибалтика, Бессарабия... По секретным соглашениям. А перед войной Сталин с Гитлером вообще целовался взасос: сообща прикидывали, как мир делить будут. А когда Гитлер его кинул и на нас полез, то в щель забился, десять дней трясся, а вокруг — война! Дезертир, стало быть, расстрельная статья. У нас в мирное-то время в стройбате за три дня самоволки дисбат давали.

— Труханул малёк, — виновато согласился Старче. — С кем не бывает.

— Мне Гуревич рассказывал...

На слове «Гуревич» Старче поморщился.

Я исправился:

— Мне друган — фронтовик рассказывал: после войны они еще полгода в Будапеште стояли. Сталин все принюхивался, не огулять ли ему весь мир по инерции?.. Если бы не Хиросима,..

— Наливай! — оборвал кощунственную тему Старче.

— Сам наливай! — рывкнул я, но смягчился: — Тем не менее — за Победу! — и подгадил напоследок: — которая вопреки Сталину.

Старче резко встал.

— Пойду. Печь топить. Дымит, падла. — И уже в дверях пробурчал: — Тебе-то что коммунаки сделали?

Мне они действительно ничего не сделали: не повесили, не посадили. Но, во-первых, я дышал с ними единым воздухом, проживал на совместной территории — уже урон немалый. За одно за это уже

досрочная пенсия положена. Во-вторых, они меня без малого 10 лет не печатали. Но главное, веру в Бога, скоты, отняли, а без него не то что помирать, жить страшно.

...После войны Гуревич продолжал прыгать, испытывал парашюты, которые сам и конструировал. Прыжки называл наркотиком и всячески отговаривал, когда я было вознамерился пойти по его стопам. Подарил мне фотографию прыжка на неуправляемом куполе, где его несло ветром на бетонную стену, с надписью «Сереже Каледину, чтобы не прыгал». Жидобой его не коснулся, более того, его не отпустили из оборонки, несмотря на заявления.

В нашем захудалом КБ он работал руководителем группы; получал 140 грязными, 126 — чистыми, половина — дочкам — алименты. При этом цитировал сам себя: «Мне ни к чему зарплата, были бы деньги». Отпуска не брал, сдавал кровь, за что имел приварок, а главное — свободный день. Волосы носил крашенные, штаны — ветхие, до такой степени, что наши бабы хихикали: в каких сегодня трусах Гуревич придет — синих или черных? Когда я намекал ему, что неплохо бы обновить гардероб, отмахивался: «Ну, так, я не фронт». Зубы имел стальные — цинга от голода на Северо-Западном. От того же голода — «жеванные складки желудка», которые обнаружились при операции в поисках рака. Складки расправили, и мы с Леонидом Михайловичем еще много лет пьянствовали сухеньким, пока его не сбил тихо бредущий «уазик», ибо смотреть по сторонам Гуревич считал ниже своего достоинства.

Отыскала его моя жена, скрупулёзно по справочнику обшаривая больницы, в морге Боткинской. Он уже месяц лежал замороженный, несмотря на ветеранское удостоверение. В гробу он улыбался.

Мрачным я его не видел, он хорохорил сам себя, развлекался, как мог, сочинял частушки, стихи про любовь, про политику. «Товарищу Брежневу 70 лет, вроде достаточно, так ведь — нет». «Не стучись милёнок в стену — не вожусь с засранцами — лучше дам Жискара д'Эстэну, президенту Франции».

Конструктором Гуревич пошел работать в пятнадцать лет. Мне грело душу, что и я пошел работать в пятнадцать. Правда, перед этим его вышибли как сына лишенки из ФЗО завода «АМО», а меня

выперли из девятого класса с оставлением на второй год за нерадивость. Ведущим конструктором в оборонке он работал до сорока лет с семиклассным образованием. Затем за полтора года окончил пятилетний техникум с отличием. Поступил без экзаменов на заочный мехмат, по привычке прыгнул с первого курса на третий, но понял, что для науки уже поздно, и доучивался в машиностроительном. Когда коллеги в один голос диву давались, почему он не профессор, академик, и т. п., посмеивался. Не въезжают, мол товарищи: сын лишенки, кузен Григория Сокольниковца, который наркомфин при Ленине — отец золотого червонца; вокруг все расстреляны вчистую, потом пять ранений, еврей, беспартийный. И при таких-то выходных данных еще живой! Куда больше!

Матушку свою особо не жаловал: «Мама, врач, при НЭПе была богатая: два санатория — в Москве и Пятигорске, машины, лошади, а велосипед мне в 14 лет подарила подержанный». С обеих войн написал ей пять писем — по числу ранений: жив-здоров, ранен, пришли учебники по высшей математике.

Разбирая после смерти Гуревича его бумаги, я нашел «Отчет о парашютном прыжке №149»

«...Отделившись от самолета, почувствовал рывок, после которого продолжал беспорядочное падение, имея перед глазами выходящий из-за спины скомканный купол и прополаскивающие стропы. Раскрыв запасной парашют, я оказался обернутым зачехленным куполом главного п-та, причем контрольной виток и 2-3 верхних витка строп остались не вытравленными из сот чехла. Попытка освободится от главного купола в процессе спуска не удалась, т.к. полусная часть зачехленного купола с вытяжным парашютиком вклинилась под ранец...

Приземлился благополучно. Состояние после прыжка — нормальное (через 30 мин. совершил повторный прыжок.)»

Выходит, падал навстречу смерти, но — анализировал.

В детстве я стеснялся, что мой отец не был на войне. Впрочем, война и его достала. После его смерти я нашел проездной билет на пригородную электричку. Билет был с фотографией отца, но выписан на Каледина, хотя фамилию всю жизнь папа носил свою — Беркенгейм. Это робкое сокрытие нехорошей фамилии — тоже груст-

ная дань безнаказанности ошалевшему от победы генералиссимусу. Не только над фашистами, но и над своими.

Сочинений о войне много. Литературы — мало. Практически ничего о ней мы так и не знаем. Военная тема — страшная. Да и судьба военных писателей (в отличии от сочинителей) невеселая.

Виктор Некрасов в грустях доживал в Париже. Василия Владимировича Быкова на старости лет тятя белорусский из дома выгнал, несмотря на заверения, что «возрос на стихах Василя Быкова». Кондратьев застрелился. Владимир Осипович Богомолов случайно уцелел, ибо непостижимым образом устроил свою жизнь, нигде не пересекаясь с государством. Уж как он намыкался со своим знаменитым романом, не приведи Господи! Да и Астафьеву Виктору Петровичу сотоварищи — патриоты под занавес тоже двойку поставили и вывели из класса.

Сейчас, надо полагать, власть Богу свечки ставит, что, наконец-то, прибрал всех фронтовиков, стариков трепливых. Наступает славная эра, эпоха благостных сказок о войне. Но радость, сдастся, не будет долгой. Талантами русская литература не совсем оскудела, так что сюрпризы про ту, далекую, войну еще впереди. А что касасемо очевидности, так ведь Лев Толстой с Наполеоном тоже не воевал, времена по части цензуры были не менее мерзопакостные, ветераны французской войны еще здравствовали и высказали писателю фактологические претензии. Граф упреки, как известно, отмел, ибо писал не документальный очерк про войну. Да и Пушкин, когда сочинял «Годунова», прекрасно знал, что Борис не заказывал царевича.

...В прошлый раз мне не удалость перекричать Старче. Сейчас, когда потеплеет и ему не нужно будет топить ненасытную печь, может, он и выслушает меня со тщанием, не дергаясь, а уж я расстараюсь: кроме выпить-закусить, буду толерантным, постараюсь обойтись без мата. Скажу ему:

Сталин Победы не одержал. Её претерпел народ, презираемый Верховным злодеем. Победу добра над злом, победу идеи — всемирного братства, всеобщего счастья. Идеи, принятой страной и миром за чистую монету. Подлюю ее лживую изнанку, которая помогла большевикам победить еще в гражданскую, рассмотреть было трудно, для большинства — и невозможно.

Но крошечная скорбь о б е с т о л к у загубленных миллионах понимания у Старче, скорее всего, не отыщет, ибо принято на Руси: побитого жалеть, убитого не забыть. Но и только. Такая уж народная философия.

День Победы мы традиционно отмечаем в ресторане с Марком Соломоновичем Нейфельдом, другом отца, моим старшим товарищем по ветхозаветному ковчегу — СКБ «Асбоцеммаш». В КБ он изобретал машины для производства шифера; шифером торгуют по сей день, стало быть, его станки работают. Надеюсь, Марк Соломонович расскажет, как всегда, неканонические подробности своей войны. Потом я пойду домой не весьма свежий, а Марк Соломонович по лености пешком не пойдет и на метро не поедет. Он натурально сядет в свою иномарку с инвалидной буквой «Р» для обмана бдительности гаишников (на самом деле прострелянная рука у него сильнее целой), и погудит на прощание, с тем, чтобы на следующие утро в 8.30 как всегда командовать своим конструкторским бюро. Ибо имя его от рождения — «Маркс».

Если в ресторане будет не слишком шумно, я прочту ему стихотворение Гуревича «Бад -Фёслау», это в Венгрии, где Леонида Михайловича ранило в пятый раз.

И нальют вина... И без чувства вины
Поднимут круглые кружки выше
За тех, кто выжил, за тех, кто вышел
Сухим из воды и живым из войны.

За тех, кто ни разу не был убитым,
За кем война не защёлкнула пасть,
За тех, кому не случилось пасть
Смертью храбрых на поле битвы.

На поле битвы... На битом поле
С прибитым овсом и подбитыми танками,
Где вороны трудятся над останками,
А трупы тихо хохочут от боли.

Выпьют за бомбы, что не упали
За невзорвавшиеся мины,
За осколки, прощелестевшие мимо,
За пули, которые не попали.

За тех, кто пережил, выжил, ожил,
За тех, кто не спит замогильными снами,
За тех, кто вынес из боя знамя
Из собственной продырявленной кожи.

2006 год

Сергей Каледин

Соседка

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *О. Скочко*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 29.02.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 57 000 экз. Заказ № 0805430.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Михельсон М. Труды по русской фразеологии: В 6 томах	1960 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.